

КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ИВАНА БУНИНА В БОЛГАРИИ (1903–1943)

УДК 821.161.1(Бунин И. А.). ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,2.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

УТВЕРЖДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ БУНИНА

Петкова Г.

Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1002-5183>

А н н о т а ц и я. Цель настоящей работы – восстановить в ее возможной полноте и представить в ее языковой конкретике критическую рецепцию Бунина в Болгарии между первой заметкой о нем (1903) и последней (1943) публикацией, осуществленной до социального слома 1944 г. Критическая рецепция не становилась предметом самостоятельного исследования, а затрагивалась частично в рамках изучения переводческой рецепции Бунина. В результате архивно-поисковой работы удалось идентифицировать 69 отдельных текстов и познакомиться де визу с 67-ю из них. В это число входят статьи и рецензии, опубликованные на русском языке в эмигрантских изданиях в Болгарии. На интенсивность критического восприятия Бунина повлияли два события: его пребывание в Софии в 1920 г. и присуждение ему Нобелевской премии в 1933 г. Они дают основание в изложении, подчиненном хронологии, обособить три внутренних раздела: 1) 1903–1919; 2) 1920–1932; 3) 1933–1943. В статье учитывается «микроскопический метод», применяемый П. М. Бицилли, который настаивал на необходимости в исследованиях систематизировать «факты» в «тенденцию». В первом хронологическом отрезке насчитываются 6 публикаций, в которых проявляются различные точки зрения на творчество писателя (эстетическая, славянофильская, социологическая). Тогда начинается медленный процесс рефлексии Бунина в болгарском культурном пространстве. Его динамизация происходит после приезда Бунина в Софию в феврале 1920 г. Избрание писателя профессором русской литературы в Софийском университете осмысливается сквозь призму концепции лиминальности А. ван Генеппа как «промежуточный» период в творческом пути Бунина. Опубликованные 17 текстов во время второго этапа свидетельствуют об углублении восприятия писателя и о стремлении критиков создавать творческие портреты, основываясь на поэтике его произведений. Бунин был включен в болгарский канон русской литературы и в болгарский литературоведческий канон. Третий хронологический отрезок и общие тенденции рецепции рассмотрены во второй части работы.

Ключевые слова: И. Бунин; буниноведение; критическая рецепция; литературоведение; история литературы; русская эмиграция

Благодарности: выражаю свою коллегиальную признательность Ирине Колевой (Региональная библиотека «Стилиян Чилингиров», Шумен), Диане Мариновой (Университетская библиотека Софийского университета «Св. Климент Охридский»), Пете Кехайовой (Народная библиотека «Иван Вазов», Пловдив) и Валерии Йордановой (Региональная библиотека «Любен Каравелов», Русе) за помощь в подготовке настоящей публикации, а также директору Славянской библиотеки в Праге, д-ру Лукашу Бабке, за оказанное содействие в моих поисках.

Для цитирования: Петкова, Г. Утверждение литературной репутации Бунина / Г. Петкова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 44–64.

ASSERTING BUNIN'S LITERARY REPUTATION

Galina Petkova

Sofia University “St. Kliment Ohridski” (Sofia, Bulgaria)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1002-5183>

Abstract. The purpose of this article is to restore in its possible completeness and to present in its linguistic concreteness the critical reception of Bunin in Bulgaria between the first author's publication (1903) and his last publication in the period before the social collapse in 1944. The critical reception has not been a subject of a sepa-

rate survey until now – it has been partially touched on in the frame of research of Bunin's translation reception. As a result of archival and research work, the author has identified 69 texts, 67 of which have been reviewed *de visu*. This number includes articles and reviews published in Russian in emigrant editions in Bulgaria. The intensity of Bunin's critical reception was influenced by two events: his stay in Sofia in 1920 and his awarding of the Nobel Prize in 1933. That is why the text is separated into three sections, subject to chronology: 1) 1903–1919; 2) 1920–1932; 3) 1933–1943. The “microscopic method” of P. Bicilli is applied in the article – according to it a study requires the systematization of “facts” into a “tendency”. The first chronological section comprises 6 publications that reveal different points of view on the writer's work (aesthetic, Slavophile, sociological). A slow process of Bunin's critical reception started in Bulgarian cultural space at that time, and one can see its dynamization after his arrival in Sofia in February 1920. The election of the writer as a professor of Russian literature at the Sofia University is seen through A. van Gennep's concept of liminality as an “intermediate” period in Bunin's creative path. The 17 publications from the second period testify to an increase in the reception of the writer and to the critics' ambition to put emphasis on the poetics of his works. Bunin is included in Bulgarian canon of Russian literature and in the canon of Bulgarian literary studies. The third chronological stage and the general trends in Bunin's reception are discussed in the second part of the article.

Key words: I. Bunin; Bunin studies; critical reception; literary studies; history of literature; Russian emigration

Acknowledgments: I express deep gratitude to my colleagues *Irina Koleva* (Stilian Chilingirov Regional Library, Scumen), *Diana Marinova* (University Library of Sofia University “St. Kliment Ohridski”), *Peta Kehayova* (Ivan Vazov National Library, Plovdiv), and *Valeria Jordanova* (Luben Karavelov Regional Library, Ruse) for their help with the preparation of this publication, as well as to Director of Slavonic Library in Prague, Dr *Lukáš Babka* for his kind assistance with my research.

For citation: Petkova, G. (2023). Asserting Bunin's Literary Reputation. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 3, pp. 44–64.

Болгарский литературный критик и переводчик Александр Дзивгов (1895–1936), лично знакомый и общавшийся с И. Буниным, определил его творчество как «законченный культурный синтез». Этим выражением заканчивается статья Дзивгова, опубликованная на болгарском и на русском языках в посвященных нобелевскому лауреату софийских периодических изданиях. В нем объединяются доминирующий болгарский и русский эмигрантский критические взгляды на Бунина до произошедшего в стране коммунистического переворота в 1944 г., после которого в корне поменялись основания гуманитаристики и суть русистских исследований.

В Болгарии первые критические отзывы о Бунине появились параллельно переводам его произведений в 1902–1903 гг. Переводные тексты, однако, не являлись определяющими для восприятия бунинского творчества. Болгарская интеллигенция свободно читала по-русски и могла знакомиться с произведениями русских писателей в оригинале. Именно возможность следить за последними актуальными изданиями Бунина в России определила и стабилизировала интерес к его творчеству.

Критическое восприятие Бунина в Болгарии не делалось предметом самостоятельного анализа, исследователи касались его частично в обзорах переводов. Болгарский ученый И. Радев в ряде работ [Радев 2014], посвященных переводческой рецепции Бунина, упоминает роль «критико-оценочных суждений и обобщений историко-литературной науки» [Там же: 216]. Этот корпус текстов (статьи, заметки, рецензии) «документирует путь, по которому творчество Бунина становится достоянием болгарской интеллигенции», и раскрывает «ракурсы, в которых она его воспринимает» [Там же]. Тем не менее И. Радев считает, что критические мнения болгарских авторов «не занимают особое место в буниноведении», так как эти разработки в «большинстве случаев не исследовательские, а популяризирующие и обзорные» [Там же]. Категоричность подобной оценки, может быть, связана с неизвестностью ряда откликов, с другой стороны, вряд ли поверхностное осмысление («скромные обобщения» [Там же]) зарубежного писателя, особенно в режиме оперативной критики, могло произвести эффект 1920 г., о котором будет сказано ниже, и последующее

стремительное вхождение Бунина в болгарскую культуру в разных ее проявлениях.

Рассматривая определенные аспекты критической рецепции, И. Радев останавливается подробнее на суждениях, принадлежащих первому переводчику И. Бунина на болгарский язык, поэту Димитру Бояджиеву (1880–1911). Ученый также цитирует с указанием выходных данных восемь работ, опубликованных в период с 1920 по 1930 гг., которые, по его мнению, имеют «популяризирующий характер» и лишены особых интерпретационных качеств [Там же: 218]. Помимо этого, он упоминает статьи профессора-слависта Бояна Пенева (1882–1927), литературного критика Малчо Николова (1883–1965), русских эмигрантов проф. П. Бицилли (1979–1953) и журналиста Глеба Волошина (1892–1937), в которых «профессионально» преподносятся и защищаются различные стороны бунинского творчества [Там же: 219]. Важность исследований И. Радева заключается в поднятии вопроса о критической рецепции Бунина и понимании ее смысловой неоднородности. Ученый подчеркивает, что на интенсивность и переводческого, и критического восприятия Бунина в Болгарии повлияли два события: краткое пребывание русского писателя в Софии в феврале – марте 1920 г. и присуждение ему Нобелевской премии в 1933 г. [Там же: 210].

В 2001 г., в рамках издания Болгарской академии наук, посвященного переводческой рецепции русской литературы, опубликована работа Иванки Васевой [Васева 2001] о переводах И. А. Бунина на болгарский язык. В последнем абзаце текста упоминается, что «критика тоже проявляла большой интерес к Бунину» и что «еще в начале века [XX в. – Г. П.] вышли многие заметки, статьи, критические портреты авторитетных литераторов» [Там же: 212]. В статье перечислены имена некоторых критиков, но без библиографических ссылок и процитированы два болгароязычных текста П. Бицилли (1931 и 1933 гг.). И. Васева сообщает, что «только в 1933 г., когда Бунин получил Нобелевскую премию, было опубликовано 29 статей и заметок о нем в печати» [Там же].

Оказалось, что, кроме заглавий, присутствующих в работах И. Радева и И. Васевой, существует немалое количество

критических отзывов и текстов о Бунине, которые остаются неизвестными и невостребованными по сей день. Цель настоящей работы – восстановить в ее возможной полноте и представить в ее языковой конкретике многоголосую критическую рецепцию Бунина в Болгарии между первой заметкой о нем на болгарском языке (1903) и последней до социального слома 1944 г. публикацией – отдельным писательским разделом в хрестоматии для студентов славянской филологии в Софийском университете (1943).

В результате архивно-поисковой работы идентифицированы 69 отдельных текстов (сообщений, отзывов, рецензий, переводных рецензий, критических статей, учебных статей), имеющих отношение к толкованию или оценке творчества Бунина и его личности в Болгарии. Познакомиться *de visu* удалось с 67-ю из этих материалов, что потребовало немало усилий, так как некоторые из них напечатаны в труднодоступных источниках. В это число входят статьи и рецензии, опубликованные на русском языке в эмигрантских изданиях в Болгарии. Многие из заглавий отсутствуют в обстоятельной и с весомым вкладом в буниноведение библиографии о русском писателе [Двинятина, Лапидус 2001: 847–1011], а сам болгарский критический массив, как, впрочем, и вся славяноязычная рецепция, остался за рамками концепции антологий «И. А. Бунин: pro et contra» (2001) и «Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И. А. Бунина» (2010).

Заполнение белых пятен в буниноведении, однако, не сводится только к основанному на хронологии изложению отдельных работ, размышляющих о Бунине. Позитивистское собрание текстов нацелено на их упорядочение в «тенденцию», и в этом плане работа следует «микроскопическому методу» проф. П. Бицилли, который в своей преподавательской бытности в Софийском университете писал о такой квалификационной границе для исследователя, какой является его способность устанавливать соотношения между «фактом / мелочью» и «тенденцией» [Петкова 2017: 96].

Накопленный эмпирический материал

уплотняет и биографический нарратив Бунина: часто софийские «18 дней»¹ в его жизни остаются незамеченными. В начале 1920-х гг. Болгария стала для Бунина не только первой эмигрантской чужбиной «после России», отзывчиво принявшей его и вступившей в диалог с ним, но и оказалась, если использовать концепцию лиминальности антрополога Арнольда ван Геннепа, «промежуточным периодом» [Геннеп 1999: 15] на его творческом пути, материализовала «переход» [Там же: 19] из одного статуса писателя в другой.

В работе вводится минимально необходимая информация об изданиях, где опубликованы материалы, и об их авторах, чтобы помочь читателю сориентироваться в болгарском культурном контексте. При реферировании первоисточников сознательно сохранены соответствующий им язык и стиль, с тем чтобы показать актуальный для времени критический дискурс и терминологический инструментарий².

Все 67 представленных текстов можно распределить в соответствии с уже отмеченными И. Радевым событиями: пребыванием Бунина в Софии в 1920 г. и вручением Нобелевской премии в 1933 г. Таким образом, обособляются три внутренних

раздела:

1) 1903–1919 (с первых критических отзывов и до приезда Бунина в Болгарию в 1920 г.);

2) 1920–1932 (с краткого пребывания Бунина в Софии и до получения Нобелевской премии);

3) 1933–1943 (с присуждения Нобелевской премии и до последней публикации о Бунине в 1943 г.).

Изложение ниже следует этой хронологической рамке.

1. «Интерес болгар к нему сравнительно новый...» (1903–1919)

Бунин входит в болгарское культурное пространство в начале XX в., но его литературная репутация утверждается относительно медленно. Причину тому И. Радев видит в сформировавшемся у болгарского читателя того времени «повышенном интересе» к русской классической литературе [Радев 2014: 208]. С другой стороны, симпатии литературной молодежи были на стороне авторов, творчество которых отмечено «вызывающими проявлениями новаторства», таких как Горький, Арцыбашев, Леонид Андреев, В. Брюсов [Там же]. В дополнение к этому «социалистически настроенная молодежь» предпочитала Бунину писателей, разрабатывающих «социальную проблематику» [Чилингиоров 1933].

Первые критические заметки о Бунине совпадают с появлением переводов его прозы и поэзии, напечатанных в одном из авторитетных болгарских литературных журналов начала XX века – «Летописи».

В 1902 г. опубликованы два перевода рассказов Бунина – перевод рассказа «Новый год» вышел без каких-либо данных об авторе произведения. Второй перевод – рассказа с тогдашним заголовком «Свидание»³ – снабжен постраничной сноской, поясняющей имя писателя:

«И. Бунин – молодой русский поэт и беллетрист. И его стихи, и проза производят сильное впечатление своей жизненностью, простотой и нежностью» [Бояджиев 1902].

Из этого паратекста вырос через год, в 1903 г., первый метатекст о Бунине. Публикации переводов пяти стихотворений Бу-

¹ О таком количестве дней, прожитых Буниным в Софии, пишет болгарский литературный деятель Константин Попов (1883–1954) в своем рассказе о встречах с русским писателем в Праге в 1936 г. [Моховой 1936].

² Названия периодики и сборников, все заглавия критических материалов и все цитаты переведены с болгарского на русский язык мной. Все они, т. е. все ссылки на чужое слово, даются в кавычках. Курсивом набраны слова и конструкции, смысл которых выделен мной. В случаях, когда в работе цитируется статья без авторской подписи, каких было немало, в библиографической ссылке вводится без кавычек заглавие издания, в котором она напечатана. Сокращение «Б. п.» («Без подписи») фигурирует только в списке «Литературы» в конце работы. Если цитируются различные публикации одного и того же автора или различные номера данного журнала, изданные в одном и том же году, в библиографической ссылке после указания года хронологическая последовательность помечена малыми латинскими буквами в алфавитном порядке (a, b). В тексте работы оригинальные заглавия периодики и изданий, где напечатаны представленные материалы, даются в скобках после переводных в тех случаях, когда их написание не совпадает в русском и болгарском языках.

³ Рассказ известен под заглавием «Заря всю ночь».

нина в том же журнале «Летописи» предшествует вступлению под названием «Иван Бунин», которое в подзаголовке определяется жанрово как «заметка» [Бояджиев 1903: 105]. Поскольку поясняющая сноска не атрибутирована, а «заметка» подписана инициалами «Б. Д.», можно сослаться на И. Радева, который доказал, что они принадлежат перу упомянутого выше **Д. Бояджиева**, поэта, близкого болгарским символистам. Трудно уточнить, чем был вызван и «какими путями формировался интерес» молодого Д. Бояджиева к творчеству Бунина [Радев 2014: 201]. Пока неизвестны и обстоятельства «завязавшейся» переписки между поэтами, о существовании которой упоминает Радев [Там же].

В своей «заметке» Д. Бояджиев предлагает краткую характеристику бунинского творчества, цель которой – представить читателю литературного журнала незнакомого ему «молодого автора» [Бояджиев 1903: 105]. Текст предлагает творческий профиль Бунина, но без биографического компонента: это автор, который любит жизнь во всех ее проявлениях, даже «самых незначительных»¹, он «принимает дыхание вселенной», «любит природу внимательной и сосредоточенной любовью» и «находит радость жизни во всем». Бунина можно определить как «лучшего импрессиониста в русской литературе», ему удается передавать «непонятные и невыразимые ощущения», а его стихотворения пробуждают «только настроения». По мнению Бояджиева, Бунин – «сторонник» той литературы, которая хочет «заменить настроениями целостные и объемные впечатления, создаваемые произведениями великих художников слова». Как почти все молодые современные писатели, Бунин «философ». Он не нашел, как «обрести» человеческое счастье, в поисках которого «мечутся» Метерлинк и Чехов, но создал для себя «иллюзию успокоения» и «крепко держится за нее, как утопающий за соломку».

В начале XX века болгарский читатель имел возможность, помимо переводов, познакомиться и с актуальными изданиями бунинских произведений в России. Писатель и общественный деятель, переводчик

Бунина, Стилиян Чилингиров (1881–1962) в своих воспоминаниях отмечает, что напечатанные «Знанием» в 1902–1903 гг. первые два тома собрания сочинений Бунина – «Рассказы» и «Стихотворения» – произвели «особое впечатление в литературных студенческих кругах» [Чилингиров 1933]. Имя Бунина «вдруг» стало известно болгарской интеллигенции, а его книги передавались «из рук в руки» [Там же].

В 1905 г. в городе Горна Оряховица вышел сборник «**Современные русские писатели**» [«Съвременните руски писатели»], состоявший из переводов на болгарский язык двух русскоязычных статей: «Восстановление разрушенной эстетики (Критика идеалистических веяний новейшей русской литературы»² (1904) В. Шулятикова и «О художнике вообще и некоторых художниках в частности» (1903) А. Луначарского. Заглавие и составление сборника, как и перевод работ, принадлежат литературному критику и историку, стороннику марксизма **Георгию Бакалову** (1873–1939). В краткой вступительной заметке составитель объясняет, что перевод работ вызван желанием познакомить болгарского читателя с «опытом серьезной, отрезвляющей критики прославившихся у нас [в Болгарии – Г. П.] и встреченных с небывалым энтузиазмом современных русских беллетристов, особенно М. Горького, Леонида Андреева, Антона Чехова и В. Вересаева» [Бакалов 1905]. Среди перечисленных авторов имя Бунина отсутствует, вероятно, в понимании Бакалова в это время оно не воспринималось с «энтузиазмом». Оба перевода изданы очень скоро после социализации их оригиналов на русском языке, конкретно статья Шулятикова опубликована в сборнике «Очерки реалистического мировоззрения» (СПб., 1904). Очевидно, Г. Бакалов видит в этих статьях реализацию собственных эстетических

² В переводе на болгарский язык заглавие фигурирует как «Критика идеалистических веяний новейшей русской литературы», а не «К критике ...». Приведенные ниже цитаты из работы В. Шулятикова сравнивались с русскоязычным текстом и приводятся по электронному ресурсу «Восстановление разрушенной эстетики»: [Шулятиков 2009]. В скобках библиографической референции сохраняются страницы болгарского издания 1905 г.

¹ Здесь и далее все цитаты из «заметки» Д. Бояджиева приводятся по: [Бояджиев 1903: 105].

суждений: воспользоваться чужим авторитетом, может быть, удобнее, чем собственным пером дискредитировать новейшую идеалистическую русскую литературу. С точки зрения интересующей нас темы не столь важна предпринятая Шулятиковым социологическая критика Бунина как представителя «феодальной идиллии»¹ [Шулятиков 1905: 121], «который с трогательной нежностью говорит о «старосветском благополучии» [Там же: 118], сколько подчеркнутая связь бунинского творчества с культурой дворянских имений: «потеря органической связи с «родными гнездами» [Там же: 114] и «меланхолическая грусть по отживающей старине» [Там же: 115]. Практически эта метатема бунинского творчества, центральная в изложении Шулятикова, посредством перевода прозвучала в болгарском критическом дискурсе. До 1905 г. она не формулировалась и не обсуждалась: в текстах Бояджиева она отсутствует, т. е. пока она нерелевантна для болгарской критики так же, как и ностальгия по уходящей дворянской культуре не являлась маркированным концептом для болгарского культурного сознания того времени. Издание Г. Бакалова положило начало тенденции, которую можно наблюдать и в дальнейшем, а именно присваивать русскую критическую точку зрения в ее дословном переводе и без комментария болгарских ученых.

В 1910 г. вышла из печати составленная **Стилианом Чилингиrowым «Славянская антология»** [«Славянска антология»], издание которой было приурочено, как сообщает автор в предисловии, к проведению «Собора славянских культурных деятелей в Софии» в том же году [Чилингиrow 1910: 3]. Книга субсидирована Славянским обществом, а ее цель – представить лучшие переводы на болгарский язык «поэтических текстов различных славянских литератур» [Там же: 3]. Книга снабжена разделом «Биографии», в котором размещается информация об авторах – краткая биографическая справка и общая оценка творчества. О Бунине сказано, что «его сочинения ничем не отличаются от стихотворений Полонского

или Фета» [Там же: 162]. Чилингиrow поясняет, что Бунин идет своим путем в литературе, хотя он «близок старшим поэтам – по форме, а молодым и модернистам – по тону и настроению» [Там же]. В целом Бунин является «поэтом-модернистом», но модернизм проявляется в «его почти импрессионистической манере», а именно – рисовать внешний мир в очертаниях и красках» [Там же]. У Бунина собственная поэтическая тема, и это «скромная русская природа» [Там же]. В конце информации о Бунине Чилингиrow отмечает, что «интерес болгар к нему сравнительно новый» [Чилингиrow 1910: 163].

В 1911 г. в двух номерах *общественно-политического и литературного журнала «Современная мысль»* [«Съвременна мисъл»] в рубрике «Литературные и научные новости» вышли краткие неатрибутированные сообщения о том, что «известный русский писатель» по возвращении из путешествия в Африке «заялся окончанием своего романа «Деревня» [Современная мысль 1911а]; «закончил новую повесть из сельской жизни под заглавием «Суходол» [Современная мысль 1911б] и работает над «систематизацией впечатлений, вынесенных из путешествий в Египте и Цейлоне» [Там же]. И. Радев высказал предположение, что информация о творческих планах Бунина, вероятно, является результатом контакта в письмах, «установленного» между Буниным и Д. Бояджиевым, в то время сотрудничавшим с журналом «Современная мысль» [Радев 2014: 218].

Перечисленные 6 публикаций с 1903 г. до 1919 г. формируют своеобразный пункт рецепции Бунина на этом первом этапе, когда появляются различные точки зрения на творчество Бунина (эстетическая, славянофильская, социологическая). Начинается медленный процесс *накопления размышлений* о Бунине в болгарском культурном пространстве, который стал динамичнее после приезда русского писателя в Софию в феврале 1920 г. Тенденцию превращения Бунина в значимого другого закрепил литературный критик и теоретик, близкий к кругам модернизма, профессор славянских литератур в Софийском университете Боян Пенев, автор первых систематических лекционных курсов по русской литературе. В его архиве сохранились

¹ В оригинале Шулятикова – «феодальной идеологии» [Шулятиков 2009].

произведения и рукописные тексты Бунина, вырезки из одесских газет («Южное слово», «Одесский листок», «Одесские новости») с произведениями Бунина или сообщениями о нем, материалы о поэзии и прозе Бунина, конспекты критических текстов С. Венгерова и Ю. Айхенвальда, корректуры и оригиналы бунинских стихотворений, собственные заметки о нем (например, по теме «Бунин и Мицкевич»)¹. Подобное значительное количество материалов позволило И. Радеву заключить, что, вероятно, Б. Пенев «ставил себе целью написать целостное исследование о Бунине» [Радев 2014: 219]. Большинство сохранившихся записок Б. Пенева о Бунине, как и конспекты лекций и заметки о русской литературе в его архиве, написаны авторизованным стенографическим письмом, что практически лишило исследователей возможности познакомиться с ними.

2. «Для нашего университета будет честь пригласить Бунина ...» (1920–1932)

Первая публикация в болгарской прессе, осуществленная в связи с приездом Бунина в Софию, принадлежит близкому к модернистским кругам писателю и литературному критику **Михаилу Кремену** (1884–1964).

Статья Кремена, опубликованная **1 марта 1920 г.** в известной ежедневной газете «Заря» [«Зора»], констатирует, что «один из крупнейших русских поэтов прибыл в Софию» [Кремен 1920]. Она начинается с причин, по которым Бунин оказался в Софии («антибольшевистская деятельность»² и предупреждение друзей «покинуть Одессу», хотя «большевики, по-видимому, гарантировали ему жизнь»), и кончается краткой биографической справкой о писателе (год рождения, изданные книги – сборники стихов и рассказов; награды – Пушкинская премия, избрание почетным академиком).

В это обрамление вмещаются два фрагмента, раскрывающие Бунина как «писателя в храме чистого искусства» и

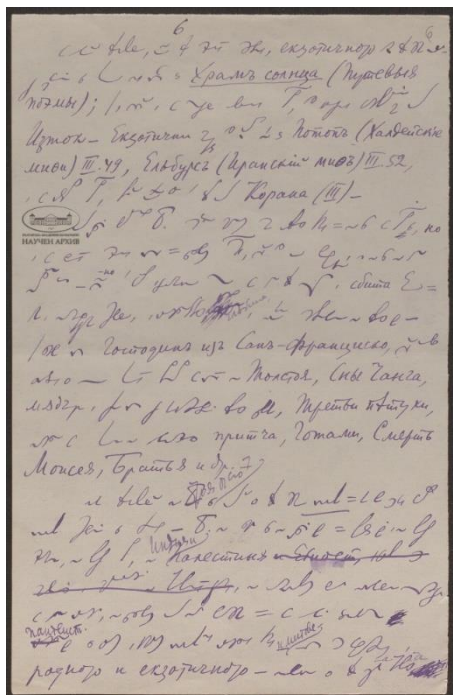
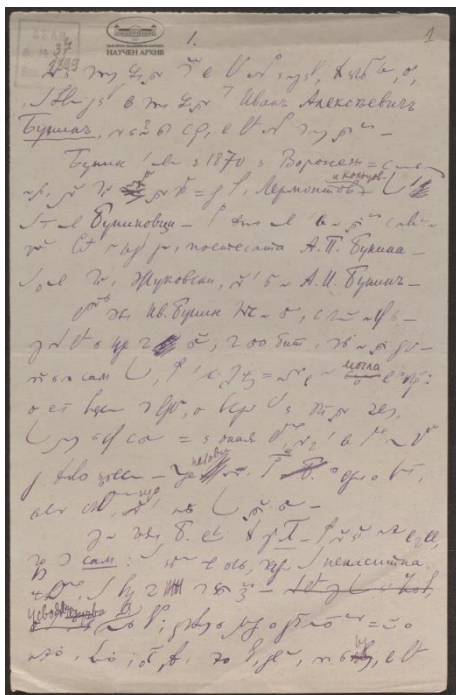
«созерцателя природы и жизни». Кремен цитирует Бунина, писавшего, что «его родиной является вся земля», и подчеркивает, что в «мутном потоке бурного времени» писатель «страдает» за свою родину Россию «наравне со всеми ее сыновьями-изгнанниками». Так, может быть, впервые иностранная критика применяет к Бунину понятие «изгнанничества». В первом фрагменте выявляются особенности поэзии Бунина, которая «одиноко выделяется» на фоне модернизма. Она продолжает традиции прошлого, но в то же время «вечно новая, неувядающая и красивая» и, не будучи модернистской, «в состоянии затронуть душу» человека модернистской эпохи. Во втором фрагменте говорится об особенностях прозы Бунина на материале сборника рассказов «Господин из Сан-Франциско» (1916), в котором писатель «прозревает тайны жизни как пророк». Кремен подробнее анализирует одноименный рассказ, раскрывающий «образ нового властелина» мира, упомянуты связи с творчеством Л. Толстого, о которых говорит критика, и подчеркиваются «изысканный совершенный стиль» и «величая архитектура» текста.

Популяризаторская на первый взгляд статья Кремена ориентирована на разных читателей – не только на почитателей Бунина, но и на незнакомых с его творчеством, она одновременно и уведомляет о новых произведениях, и предлагает их аналитическое осмысление.

В мартовские дни **1920 г.** в устройстве жизни Бунина в Болгарии активно участвовал **проф. Б. Пенев**, который приложил все усилия, чтобы привлечь писателя в качестве лектора русской литературы на Историко-филологическом факультете Софийского университета. По инициативе Б. Пенева было созвано внеочередное заседание Академического совета 25 марта 1920 г., на котором он прочитал **Доклад, мотивирующий избрание писателя-академика Бунина профессором новой русской литературы**. Авторитет Пенева был очень высок, и ему удалось добиться со стороны Министерства народного просвещения финансового обеспечения этой должности.

¹ См.: Научен архив на Българска академия на науките. Фонд № 37К, оп. 1, а. е. 1399–1415.

² Здесь и далее все цитаты из статьи М. Кремена приводятся по: [Кремен 1920].

Доклад Б. Пенева, написанный авторизованным стенографическим письмом

Научен архив на Българска академия на науките. Фонд № 37К. Оп. 1, а. е. 1399, л. 1, 6

Славянофилы лет через десять назвали этот доклад «отличным» [Бобчев 1933: 152], вероятно, с учетом крайнего результата – Бунин был избран профессором в рамках первых назначений эмигрантских ученых в Софийском университете. Очевидно, современники знали об этом докладе, но в какой конкретике он известен последующим поколениям, трудно судить. Расшифровать текст удалось Димке Вылчановой десятилетия спустя, и впервые он был опубликован только в 1972 г. [Пенев 1972]. Перевод доклада на русский язык предложила болгарская исследовательница М. Каназирска (1941–2013) в своей книге «После России», изданной в 2013 г. [Каназирска 2013: 460–465].

Доклад Б. Пенева выходит за границы статуса административного документа, аргументирующего профессорскую должность Бунина. Он представляет собой конспект научного изложения, вобравшего, очевидно, пафос того задуманного исследования, о котором упоминает И. Радев. Его можно рассматривать и как первый концептуальный портрет поэта и прозаика Бунина, созданный в болгарском литера-

туроведческом поле.

В докладе упомянуты вкратце биографические данные, которые подчиняются авторской мысли, прослеживающей становление Бунина-творца. Во введении Пенев упоминает образование, переводческую деятельность молодого поэта, интерес к западноевропейской литературе, а также его русские образцы – «вдохновение Пушкина и живая совесть и неизмеримое художническое дарование Л. Толстого»¹ [Пенев 1972: 62].

Б. Пенев впервые выражает точку зрения болгарского реципиента на специфически русскую проблематику, раскрытую в ранних произведениях Бунина. Его «рассказы из сельской жизни»² не идеализируют русского крестьянина, писатель не подчиняет художественный смысл нравственной тенденции, он прежде всего художник

¹ В изложении дальше цитаты из доклада Б. Пенева даются в моем переводе, Г. П.

² Здесь и далее все цитаты из доклада Б. Пенева до следующей сноски, уточняющей страницу, приводятся по: [Пенев 1972: 62].

и психолог и раскрывает «русскую народную психику независимо от каких-либо моральных категорий». Он хорошо знает душу русского крестьянина, ее светлые и темные стороны и рисует ее в «целостности и нераздельности».

Пенев подчеркивает значение Бунина как лирического поэта – его «лирическое чувство отличается содержательностью и глубиной». Поэтическое выражение не исчерпывает и не может исчерпать его, поэт только намекает об этом чувстве, он использует «и словесный смысл речи, и ее внутреннюю музыку». Этим объясняется сила лирики Бунина внушать и оставлять у читателя «впечатление чего-то и неиссякаемого, и неизмеримого».

Лирический темперамент Бунина отмечен склонностью к русской легенде, религиозным легендарным рассказам. В них писатель видит проявления «русской многоликой души», ее своеобразную религиозность, в которой смешиваются «суеверия, языческие влечения, фатализм, идеалистические устремления и готовность к крайнему самоотречению и святым подвигам».

Пенев останавливается и на роли «экзотического», которое благоприятствует «переходу» от русской действительности к общечеловеческим темам. В результате созданные произведения становятся «всеобщим достоянием», а не принадлежат только одной национальной культуре¹.

Бунин является «счастливым сочетанием» большого поэтического таланта с высокой культурой, сильной поэтической интуиции с исключительно развитым художественным сознанием. Его художественная мысль не заимствована извне, она мотивирована полностью поэтическими переживаниями и внутренним интуитивным созерцанием. Чем «глубже» он проживает мотивы своего творчества, тем «современнее формы», которые он создает, и «все синтетичнее» его стиль. Для его творений характерна простота, он «чужд внешне патетическим движениям и безрассудной расточительности», которая присуща «посредственным и поверхностным» писателям.

По мнению Б. Пенева, если в послед-

¹ Здесь и далее все цитаты из доклада Б. Пенева до следующей сноски, уточняющей страницу, приводятся по: [Пенев 1972: 63].

ние десятилетия в русской художественной литературе было создано что-то «ценное», то в первую очередь это произведения Бунина. В «хаосе» школ, течений, настроений, программ, когда смешиваются литературные понятия и различные культуры, Бунин выделяется как «нечто бесспорное и в высшей степени ценное»². Он не считает свое искусство новым или модернистским, не противопоставляет его и старому. Бунин знает, что в «настоящем искусстве нет старого и нового, а только вечное».

Автор доклада перечисляет различные издания сочинений Бунина и упоминает награждение Пушкинской премией, избрание Бунина почетным академиком в 1909 г. и членство – с 1912 г. – в известном Обществе любителей российской словесности. Заглавия произведений, которые Б. Пенев приводит, процитированы на русском языке. Более чем очевидно, что он читал поэзию и прозу Бунина на языке оригинала.

После всех наблюдений проф. Пенев заключает, что для «Софийского университета будет честь пригласить Бунина читать лекции по русской литературе». Он считает, что Бунин «хорошо знает свою родную литературу», и у него к ней «трезвое отношение».

Бунин этой чести университету не оказал, он уехал в Белград, а потом – во Францию. Оттуда он написал Б. Пеневу письмо³, в котором сообщал о своих планах вернуться в Софию «в конце апреля» или просить «читать с осени, после каникул», благодарил за «честь» быть профессором Софийского университета и приносил свои извинения, что не может «в данный момент использовать ее» [Каназирска 2013: 469]. Бунин в Софию не вернулся, а на это и на следующие его «заказные» письма Б. Пенева «не ответил», о чем узнаем из очередного письма Бунина к нему от 8 сентября 1920 г. [Там же: 470].

Своим докладом в 1920 г. на основании автономных⁴ критериев Б. Пенев включил

² Здесь и далее все цитаты из доклада Б. Пенева до его конца приводятся по: [Пенев 1972: 64].

³ Два письма И. Бунина – одно, без даты, но написанное после 18 марта, и второе от 8 сентября 1920 г. – опубликованы на русском языке М. Каназирской в 2013 г. [Каназирска 2013: 468–470].

⁴ Здесь и далее, говоря об автономии и гетерономии, следуя логике П. Бурдьё в его текстах: «Поле науки» и

Бунина в болгарский канон русской литературы и в болгарский литературоведческий канон (его искусство «вечно!»). Пребывание в Софии для Бунина отметило выход из установленной системы русской литературы: как институция русская дореволюционная литература уже не существовала, а русская эмигрантская еще не установилась. Должность «профессора в Софийском университете» – маркер *отделения*, если воспользоваться здесь и ниже языком А. ван Геннепа [Геннеп 1999: 15–16], от старого социального статуса дореволюционного писателя и маргинализации по отношению к нему. Боян Пенев уловил эту точку утраты прежней определенности и придал нехватке смысл, такой, какой он посчитал возможным и подходящим из чужого культурного пространства. Отвечала ли новая идентификация интересам Бунина – вопрос другого порядка. Отъездом в Париж, куда его «вызвали телеграммой по серьезным делам»¹, *переход* для Бунина уже совершился – не только в пространстве, но и институционально: его *включили* в эмигрантскую литературную жизнь², и для *нового состояния* Софийский университет был больше не нужен.

Несмотря на свое, вероятно, разочарование³, Б. Пенев не изменил свое отношение к Бунину-творцу. Он опубликовал до своей смерти в 1927 г. в авторитетном литературно-художественном журнале «Златорог»⁴ не-

сколько откликов, посвященных Бунину.

В 1921 г. он пишет **рецензию** на антологию русской поэзии, озаглавленную «**Русский Парнас**» (Leipzig: Insel Verlag, 1920) и составленную Александром и Давидом Элиасбергами [Пенев 1921]. Б. Пенев внимательно анализирует избранные тексты и имена авторов и выносит свою отрицательную оценку. По его мнению, антология не состоялась: она «не художественная, не историко-литературная, не лирическая, неудачно составленная, без физиономии» [Там же: 100]. Из «современных лириков самый обделенный» оказался Бунин, так как пропущены его «лучшие стихи» [Там же: 98]. Пенев сравнивает поэзию Бунина и Брюсова, которому в антологии уделено значительное место. Он считает, что Бунин «неизмеримо выше, как поэт» [Там же], чем Брюсов. Его лирика, особенно последних лет, по своей силе и оригинальности резко отличается от литературной поэзии, от бесконечных книжных заимствований чужих мотивов и форм Брюсова. В русской поэзии Бунин «создает свой мир», его творчество «полностью самобытно» как по своей форме, так и по своему содержанию [Там же]. В поэзии Бунина проявляются «простота и глубина, искренность и вдохновение» – эти ценные качества чужды не только Брюсову, но и другим его русским собратьям, «незаслуженно» занимающим в антологии первые места [Там же].

К великому сожалению Б. Пенева, среди болгарских молодых поэтов Брюсов «пользуется большей известностью», чем Бунин [Там же: 98–99]. По наблюдениям критика, в Болгарии «известны только первые, самые слабые произведения Бунина», и «совсем неизвестно» созданное в последние годы в области лирики. И если у Брюсова в Болгарии не только подражатели, но и плагиаторы, то вряд ли найдется болгарский поэт, который бы знал всего Бунина [Там же: 99].

Свою позицию, что Бунин как поэт «крупнее» Брюсова и других его собратьев по перу, представленных в антологии «Русский Парнас», **Б. Пенев** повторяет и в 1922 г. в работе «**О литературном плуте**», касающейся путей болгарского модернизма и литературных плагиатов [Пенев 1922]. Характеризуя оппозицию *Бунин vs Брюсов* в

«Социальное применение науки» [Бурдийо 2012: 271–275, 285–288].

¹ Цитата из письма Бунина Б. Пеневу, написанного после 18 марта 1920 г. [Каназирска 2013: 470]. В чем состояли «серьезные дела», не уточняется.

² В письме от 8 сентября 1920 г. Бунин сообщает Б. Пеневу: «... я ... взял на себя обязательства, редактирование классиков, издаваемых парижским “Объединением земских и городских деятелей”, и участие в книгоиздательстве “Русская земля”, недавно здесь начавшем действовать» [Каназирска 2013: 470].

³ В том же письме от 8 сентября 1920 г. Бунин обращается к Б. Пеневу: «Я пояснял в них [письмах – Г. П.] причину, по которой я не вернулся в Софию к маю, как обещал, но Вы, видимо, не придали ей особого значения, и, может быть, даже слегка разгневались на меня, что я понапрасну ввел Вас в заботы и хлопоты обо мне» [Каназирска 2013: 470].

⁴ В случае с заглавием журнала «Златорог» в работе везде сохраняется его написание на языке оригинала.

этом тексте, Пенев снова ставит Бунина «выше», потому что ценит «поэтическую непосредственность», а не ту «книжность», которая убивает в Брюсове «всякое поэтическое движение» [Там же: 132]. Автор статьи повторяет уже сказанное в рецензии на антологию, что болгарские поэты «не знают всего Бунина, а только его первые произведения» [Там же]. Бунин не только «певец природных настроений», а созданные за последнее десятилетие его самые ценные стихотворения и рассказы «требуют совсем иной характеристики» [Там же].

В начале 1926 г. **Б. Пенев** опубликовал в том же журнале «Златорог» краткий **отзыв** на изданную в Париже в 1925 г. **книгу Бунина «Митина любовь»** [Пенев 1926]. Пенев сообщает, что в ее состав входят рассказы, среди которых первое место занимает произведение «Митина любовь», а также стихотворения, написанные за последние два года. Сам автор материала собирается в одном из будущих номеров журнала остановиться подробнее на повести «Митина любовь». В публикуемом тексте он предлагает краткий обзор «нескольких отзывов об этой книге, которая привлекла внимание не только русской, но и западноевропейской критики» [Там же]. Очевидно, Б. Пенев продолжал следить за творчеством Бунина и интересоваться существующими толкованиями. В отзыве он цитирует критические тексты, опубликованные в эмигрантских изданиях – мнения Г. Брандеса, Анри де Рение, Мих. Цетлина, Г. Адамовича. Практически этот отклик является обещанием будущей статьи, написание которой не осуществилось из-за безвременной кончины Б. Пенева в июне 1927 г.

Своим докладом и последующими работами Б. Пенев не только положил начало интерпретационному подходу к творчеству Бунина, основанному на эстетических критериях, но и стабилизировал его. Эту литературоведческую тенденцию изучения творчества Бунина – сквозь призму эстетики – продолжил ученик и друг Бояна Пенева литературный критик **Малчо Николов (1883–1965)**. «Духовное знакомство» Николова, по его словам, с Буниным состоялось еще в 1905 г., после прочтения первых рассказов русского писателя [Петкова 2020]. Но настоящим событием для него стала встреча с такими произведени-

ями, как «Господин из Сан-Франциско», «Митина любовь», «Роза Иерихона», которые позднее он назвал «гениальными» в своем письме к Бунину от 16 сентября 1931 г.

В 1926 г. в журнале «**Демократический обзор**» опубликована статья **М. Николова «Иван Бунин в своих последних произведениях»** [Николов 1926]. Два года спустя она вошла в состав книги Николова «Литературные характеристики и параллели», изданной в Софии в 1928 г. [Николов 1928]. М. Николов послал экземпляр этой книги с дарственной надписью Бунину в 1931 г., и так между ними началась переписка, которая была опубликована в работе Г. Петковой «Знаю, что о Вас нужно писать сдержанно и просто»: неизвестная переписка Ивана Бунина и болгарского литературного критика Малчо Николова (Филологический класс, 2020, т. 25, № 2, с. 33–47).

Хотя статья начинается как рецензия на книгу «Роза Иерихона» (Берлин, 1924), она не исчерпывается этим намерением, а предлагает «серьезный опыт критического и оценочного осмысления творчества Бунина» [Радев 2014: 220]. В своем тексте, подробно изложенном в указанной выше публикации переписки, Николов определяет и следующие характерные особенности поэзии и прозы Бунина: интерес к «неразгаданному, затаенному и невыразимому» [Николов 1928: 103]; тематическое разнообразие и в то же время «художественный универсализм» [Там же: 104]; «первичность сверхиндивидуальной мировой души, рода над видом» [Там же]; отсутствие «границ между сегодняшним и прошлым, между близким и далеким, микрокосмосом и макрокосмосом» [Там же]; доминирующая точка зрения «вечности», сквозь которую интерпретируются все темы, даже самые банальные как «любовь» и «природа» [Там же: 105].

Используя компаративистский метод, Николов выявляет ряд параллелей и сравнений бунинских текстов с произведениями русских и западноевропейских поэтов и писателей, таких как Баратынский, Пушкин, Тургенев, Толстой, Золя, Мопассан, Флобер.

Факт, что все цитаты из творчества Бунина и заглавия его произведений приводятся на русском языке, означает, что М. Николов читал своего «самого любимого»

го автора» в оригинале и не нуждался в посредничестве перевода. Наличие ссылок на работы дореволюционных и эмигрантских критиков, как Ю. Айхенвальда или Г. Адамовича, свидетельствует о том, М. Николов был в курсе существующей русскоязычной критической рецепции Бунина.

В декабре 1926 г. болгарский писатель **Димитр Шишманов** (1889–1945) опубликовал в одном из влиятельных ежедневников – газете «Слово» – краткий, но вдумчивый отзыв о рассказе Бунина «Дело корнета Елагина» – «**Рассказ одного большого мастера**» [Шишманов 1926]. Автор отмечает, что среди русских эмигрантских писателей Бунин «все убедительнее» занимает «первое место»¹. Очарование его «внешне холодной прозы» заключается в «удивительной точности», с которой он «передает непередаваемое», а именно – «многосложность жизни, ее неопределенность и невыразимую тайну». Эти черты творчества русского писателя можно найти в рассказе Бунина «Дело корнета Елагина» (1926), в котором криминальный сюжет «перерастает» в «настоящую трагедию». Ее действующие лица теряют конкретные черты и «превращаются просто в Мужчину и Женщину». Они вступают в конфликт друг с другом, подчиняясь безысходности, которая «вызвана не их несходством, а несовместимостью их любви с их характерами, темпераментами и их прошлым». Шишманов видит в рассказе «Дело корнета Елагина» «дополнение» к лучшему, по его мнению, произведению Бунина – «роману» «Митина любовь», так как оба произведения раскрывают «мистерию любви».

В том же 1926 г. в рубрике «Из жизни и идей» литературно-научного журнала «**Наковальня**» [«Наковальня»], который редактируется основоположником пролетарско-революционной литературы **Димитром Поляновым** (1876–1953), напечатана без авторской подписи заметка «**Злоба бессилия**» [Наковальня 1926]. В ней сообщается, что известный русский писатель-академик И. Бунин страдает «страшной неизлечимой болезнью всех русских писателей и общественных деятелей в эмиграции – **больше-**

викоядством»². Эта болезнь у него весьма обострена и похожа на «беснование». Автор назвал Бунина «большевикоядцем» из-за его резко отрицательного отношения к принятой реформе орфографии в 1917–1918 гг. Бунин определил новую русскую орфографию как «заборную» и участвовал в полемике с М. Слонимом и М. Гофманом, разгоревшейся на эту тему в парижских изданиях «Возрождение» и «Последние новости». По моему мнению, эта заметка не анализирует творчество Бунина, а рассматривает его политические взгляды, тенденциозно охарактеризованные редактором журнала, симпатизирующим большевикам.

В следующем 1927 г. было опубликовано еще несколько статей о произведениях Бунина, свидетельствующих о том, что в Болгарии следили за его творчеством в эмиграции.

В рубрике «Дневник» ежедневника «**Знамя**» в марте 1927 г. опубликована рецензия писателя и литературного критика **Людмила Вылчанова** (1891–?) «**“Митина любовь” Ивана Бунина**» [Вылчанов 1927]. В ней автор анализирует повесть Бунина, ссылаясь на ее перевод на болгарский язык, который был опубликован в 1927 г. в авторитетной серии для переводной литературы «Мозаика знаменитых современных романов». Книга снабжена вступительным текстом, который, как поясняет переводчик и издатель серии Георгий Юруков (1886–1960), является переводом на болгарский язык «письма И. Бунина, напечатанного в качестве предисловия к французскому изданию “Господина из Сан-Франциско”» в 1922 г.» [Юруков 1927]. Практически заглавие на болгарском – «Письмо от автора до издателя» («Письмо автора издателю») – дословно воспроизводит название бунинского эготекста, открывающего французскую книгу – «Lettre de l'Auteur à l'Éditeur».

По мнению Л. Вылчанова, новое произведение выдающегося русского писателя

² Здесь и далее все цитаты из статьи приводятся по: [Наковальня 1926]. Жирный шрифт принадлежит источнику.

³ Речь идет о: Bounine I. Le Monsieur de San-Francisco. Traduit du russe par Maurice, avec un portrait de l'Auteur par Bakst. Paris: éditions Bossard, 1922. P. 7–12.

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи Д. Шишманова приводятся по: [Шишманов 1926].

И. А. Бунина, которое является «венцом его целостного творчества», а вместе с тем и «самым ценным творением сегодняшней литературы», – «совершенная и глубокая книга»¹. Любовь героя показана «с великим мастерством». Бунин раскрывает себя как глубокого сердцееда и психолога с гениальной художественной рукой. Кроме трагедии Мити, в книге присутствуют поэзия и ностальгия по ушедшей России – «России Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова». С любовью, в которой чувствуется «скорбь автора», нарисованы «картины дворянской жизни и русской земли» до революции. Бунин остается «полностью оригинальным и самобытным» среди большого семейства русских писателей, потому что, как он сам отмечает в письме к своему издателю, «не принадлежал ни к одной литературной школе, не называл себя ни декадентом, ни символистом, ни романтиком, ни натуралистом; не надевал вообще никаких масок и не выкидывал никаких крикливых знамен»². Автор рецензии заключает, что Бунин – «самое сильное проявление русского духа» и «самый мощный современный писатель России».

Трудно сказать у кого и какое разрешение для публикации письма Бунина в переводе на болгарский язык получили издатели «Мозаики». И хотя это «письмо», т. е. автобиографическое моделирование, предпринятое Буниным, адресовано французскому читателю, они, вероятно, увидели в нем подходящее и достаточно универсальное вступление, могущее послужить ключом для интерпретации к другому произведению Бунина – в случае «Митиной любви» – и в другой, т. е. болгарской, культурной среде.

В апреле того же 1927 г. в рубрике «**Обзор нашей духовной и общественной жизни**» «**Церковной газеты**» [«Църковен вестник»] историк Церкви и профессор литургики протоиерей **Иван Гошев** (1886–1965) рассматривает серию изданий, озаглавленную «Библиотека св. Иоана Рыльского», хваля ее за христианский дух [Гошев 1927].

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи Л. Вылчанова приводятся по: [Вылчанов 1927].

² Цитата из письма Бунина издателю приводится по его переводу на русский язык, озаглавленному «Письмо к Броссару» [Бунин 2001: 31].

Он сообщает, что в 3-й книге этой серии опубликован перевод на болгарский язык рассказа Бунина «Богиня», оцененного как «удивительно хорошее произведение», написанное Буниным в Париже [Там же]. Далее в работе Гошев пересказывает текст «Богини разума» и полностью цитирует последний XIII фрагмент.

Также в апреле 1927 г. в ежедневнике «**Свободная речь**» [«Свободна реч»] опубликована без подписи статья «**Посещение Буниным Л. Толстого**», извещающая о публичной лекции живущего в Париже «известного русского писателя Ивана Бунина» [Свободная речь 1927]. Автор материала сообщает, что русский писатель поделился воспоминаниями о Льве Толстом. Изложенное содержание лекции совпадает с текстом статьи Бунина «О Толстом»³, опубликованной в апрельской XXXII-й книге «Современных записок» за 1927 г. (с. 5–18). Увлечение молодого Бунина Л. Толстым, его встречи с ним, желание стать последователем великого писателя расширяют представление болгарской читающей публики о философских взглядах и литературных контактах будущего нобелевского лауреата. Учение Л. Толстого, активно распространившееся в Болгарии после 1900 г., имело много последователей, и статья об интересе Бунина к идеям Л. Толстого нашла бы достаточно отзывчивую аудиторию.

Следующая публикация о Бунине состоялась через два года: в 1929 г. в рубрике «Из славянских стран» литературно-художественного журнала «**Листопад**» напечатана рецензия, без заглавия, начинающаяся с имени **И. Бунина**, выведенного жирным шрифтом, и подписанная инициалом «**Б**» [Б(абев) 1929]. Вероятнее всего, за ним скрывается сам редактор журнала, поэт

³ После получения Нобелевской премии этот текст был опубликован в переводе с русского на болгарский язык в двух номерах ежемесячного литературного журнала для гимназистов «Болгарская речь» под заглавием «Толстой. Личные воспоминания» (1933–1934, № 4–5). И хотя в начале публикации в «Современных записках» упомянуто, что «перепечатки и переводы воспрещаются» и «все права сохранены», без разрешения публикация в болгарском издании вряд ли бы осуществилась. Редактором журнала «Болгарская речь» в это время был литературный критик Малчо Николов, уже вступивший в личное общение с Буниным.

и переводчик, **Димитр Бабев** (1880–1945). Рецензия посвящена сборнику «Избранных стихов» И. А. Бунина, вышедшему в Париже в 1929 г. Автор рецензии отмечает, что эта книга снова вызвала интерес к Бунину – «поэту первой величины, оригинальному, ясному и осмысленному»¹. Он не предлагает собственный анализ, а обращается к написанной по поводу издания «заметке» критика К. Зайцева, которая «удачно», по его мнению, характеризует Бунина. Редактор имеет в виду, вероятнее всего, статью К. Зайцева «Бунин – поэт», напечатанную в парижской газете «Россия и Славянство» в том же 1929 г. У меня не было доступа к тексту К. Зайцева, чтобы сравнить его с болгарской публикацией. Бабев включил в свое изложение следующие характеристики бунинской поэзии, которые посчитал важными в «заметке» К. Зайцева: Бунин «предметен и целомудрен» в своей поэзии, которая «насыщена содержанием и мыслью», но он «не импрессионист»; в его поэзии нет «исповедальности», «нет полутонов, полу-чувств, полу-мыслей, бессмысленной музыкальности»; для него характерна «собранность души»; Бунин – личность, которая творит в том «высшем, доступном человеку процессе творчества», когда оно, будучи «интуитивным», «не теряет связь с глубинами подсознания, освещается разумом и одухотворяется религиозно-нравственным сознанием»; поэзия Бунина – не «безответственная игра чувств», а всегда сознательный акт творчества, где «нераздельны ум, воля и чувство»; у Бунина «нет лишних слов, он скуп на слова, любое слово и его место диктуются смыслом»; Бунину «чужда музыка слов», его музыка – особого рода, она «пушкинская», она «не гипнотизирует и не усыпляет сознание». Написанное Зайцевым дает основание Бабеvu заключить, что Бунин не только «большой беллетрист, но и большой поэт», так как «чужд преднамеренности в искусстве», он видит жизнь и Бога «сквозь призму здравого смысла», и для него важнее «очагование души, а не магия слов».

В сдвоенном номере культурного и политического журнала **«Народное дело»**

[«Народно дело»] (№ 2-3) за 1930 г. напечатан перевод на болгарский язык статьи **М. Слонима**, озаглавленной **«Русская эмигрантская литература»** [Слоним 1930]. Журнал «Народное дело» вышел в Софии тремя номерами и издавался по инициативе соратников премьер-министра Болгарии Ал. Стамболийского (1879–1923), которые эмигрировали во Францию после его убийства во время переворота в июне 1923 г. На обороте лицевой стороны обложки среди сотрудников указаны имена русских эмигрантов «Вл. Ив. Лебедева, бывшего министра, и д-ра Марка Слонима, публициста, бывшего депутата». В первом и в сдвоенном (№ 2-3) номерах печатались статьи В. И. Лебедева на болгарском языке. Восстанавливая этот контекст, я наткнулась на воспоминания В. Сосинского, который упоминал в отрывке «Франко-славянская типография» о жизни Лебедева в Болгарии, когда тот «был главным советником Стамболийского», а после переворота «бежал в Чехословакию» [Сосинский 2020]. С эмигрировавшими соратниками Стамболийского, уже во Франции, Лебедев «был неразлучен» [Там же]. Вероятно, этими знакомствами можно объяснить его сотрудничество с болгарским журналом и вполне реалистично, что по его рекомендации М. Слонима пригласили в качестве сотрудника журнала.

Статья Слонима **«Русская эмигрантская литература»** по своему содержанию в целом совпадает с пафосом других его публикаций по этой теме. Однако в переводе в «Народном деле» не указан ни его источник, ни его автор. Все мои попытки найти русскоязычный оригинал, опубликованный, вероятно, в эмигрантской печати, оказались безуспешными. Слоним рассматривает основные имена и тенденции эмигрантской литературы, «во главе которой» он ставит «крупного реалиста Ивана Бунина, академика не только по знанию, но и по характеру творчества»². Таким образом, в самой статье обособляется немалый по сравнению с портретами других писателей *бунинский пассаж*. В нем Слоним пишет, что эмигрантские произведения

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи приводятся по: [Б(абев) 1929].

² Здесь и далее все цитаты из статьи М. Слонима приводятся по: [Слоним 1930: 68].

Бунина сохранили характерные для автора «холодный блеск и точную описательность» и проникнуты «пессимизмом и презрением к людям», ставшими специфическими чертами этого «русского парнасца». В последнее время Бунин пытается перейти к новелле, проникнутой «психологическим анализом». Его сборник рассказов «Солнечный удар» рассказывает читателю о любви, страхе смерти, переживаниях собак, и Слоним цитирует заглавие «прекрасного рассказа» «Сны Чанга». По мнению критика, менее удачен «роман» Бунина «Митина любовь», в котором он пытается вернуться к тургеневской традиции, описывая зарождение и развитие первой любви в молодом герое. Самым «крупным произведением» Бунина в эмигрантском периоде «будет» незаконченный роман «Жизнь Арсеньева». Но и здесь, считает Слоним, Бунин не смог «покинуть пределы меткого мастерского письма», которое восхищает читателя своим «внешним совершенством» и «огромной художественностью», но оставляет его «холодным и не проникает в глубину его души». В конце пассажа Слоним заключает, что в творчестве Бунина нет той «основной этической окраски», которая бы придала ему «волнующую задушевность».

С начала 1920-х гг. параллельно критическому восприятию Бунина в болгарском культурном пространстве писатель становится предметом размышления и в русских эмигрантских изданиях в Болгарии. Так, эмигрантская газета «**Варненское эхо**» еще **23 марта 1920 г.**, т. е. за два дня до проведения Академического совета Софийского университета 25 марта, сообщала, что «русский писатель Иван Бунин будет назначен профессором русской литературы в Софийском университете» [Петкова 2020: 340].

В эмигрантской периодике в Болгарии печатались критические рецензии на изданные Буниным книги. В номере **от 2 октября 1921 г.** еженедельного политико-общественного журнала «**Зарницы**» в рубрике «Библиография» опубликована рецензия политического деятеля и редактора **Валерия Левитского** (1886–1946) «**Живая сила** (Ив. Бунин. «Крик» и др. рассказы. «Слово». Берлин, 1921 г.)» [Левитский 1921]. Автор рецензии связывает творчество Бу-

нина с ситуацией эмиграции и отмечает, что «есть книги особенно дорогие русскому беженцу на чужбине», когда приходят «часы размышлений о судьбах родной страны», и он ищет «самое важное», а именно «живую правду жизни» [Там же: 29]. По мнению Левитского, таким необходимым пособием для пересмотра взглядов на русскую деревню является только что вышедшая книга И. Бунина. Это сборник рассказов преимущественно из крестьянской жизни, который назван по заглавию первого рассказа – «Крик». Сама книга выражает «страстную мольбу» всем сердцем любящего свою родину художника, мастерски рисующего жизнь и «верующего»: «Россия жива. Она должна быть жива. Она не может не вернуться» [Левитский 1921: 30].

Левитский обращает внимание, что издание снабжено предисловием Бунина, в котором сам автор пишет, что его книга создавалась «в счастливые дни»¹, «когда не только была родина, но и весь мир был роднее и ближе, в дни полные надежд, сил, замыслов». Писатель вспоминает, что на него негодовали, когда он, страшась за судьбу России, развертывал «потрясающие картины вековой тьмы и дикости русской деревни». Но после произошедшей революции ему «нет надобности оправдываться». Левитский считает, что в новой ситуации обвинения излишни, но есть надежда, что эти «деревенские рассказы» послужат примером для творцов новых художественных произведений, посвященных «подлинной России». Перечитывая «деревенские рассказы» на чужбине, помимо художественного наслаждения, русский эмигрант испытывает новые, до сих пор незнакомые чувства. Ситуация изгнания заставила читателей эмигрантов переосмыслить бунинские рассказы. Они начинают понимать, что поразившие их когда-то своей «первобытностью» и «атавистичностью» герои рассказов Бунина обладают и иными чертами: это люди «железной воли, страшной силы, привыкшие ломать все препятствия, которые расставляла им хитрая и жестокая жизнь на каждом шагу». Левитский сравнивает персонажи Бунина,

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи В. Левитского до библиографической ссылки в скобках, уточняющей страницу, приводятся по: [Левитский 1921: 30].

которые «не боятся жизни» и «умеют побеждать», с русскими интеллигентами, оказавшимися «неприспособленными, слабыми и мягкотелыми» в условиях «рухнувшего ненавистного режима». На конкретных примерах из рассказов Бунина Левитский доказывает свою тезу, что только в ситуации эмиграции становятся понятны «сила и значение этих людей, которые никогда не склоняли покорно головы под страшными ударами судьбы» и которые «будут в первых рядах тех, кто вновь выведет Россию на широкую дорогу свободного культурного творчества». Полностью переосмысливая героев «деревенских рассказов» Бунина, Левитский заключает, что «эти люди, полные “живой силы”, будут строить Новую Русь» [Там же: 31].

В эмигрантской газете «Русь» в июле 1923 г. писатель и журналист **Александр Яблоновский** (1870–1946) опубликовал статью, озаглавленную «**Нобелевская премия**» [Яблоновский 1923]. В ней ставится вопрос о присуждении Нобелевской премии вообще русскому писателю. Яблоновский констатирует, что русская литература «в целом» сравнительно мало знакома Европе, а «скромность русского писателя и его благородная привычка работать для просвещенного меньшинства» стали причиной того явления, что из всех художников русского слова еще никто не получил Нобелевской премии [Там же: 2]. Автор сообщает о прошедшем в 1922 г. в Парижском союзе русских писателей и журналистов обсуждении того факта, что Нобелевскую премию следовало бы присудить «всей русской литературе» [Там же: 3]. Яблоновский убежден, что если Нобелевской премии пожелали бы придать «не дипломатический, а литературный характер», то в современной русской литературе есть кандидат, который «может всех объединить, и это Иван Алексеевич Бунин» [Там же]. Так, за десять лет до награждения, в 1923 г. Бунин стал консенсусной фигурой среди эмигрантов как кандидат на Нобелевскую премию.

В том же 1923 г. русско-болгарский литературно-художественный «**Балканский журнал**» опубликовал воспоминания о Бунине писателя **Александра Митрофановича Федорова** (1868–1949) «**Настроения**

[Федоров 1923]. А. Федоров, эмигрировавший в Болгарию в конце 1919 г. и живший здесь до конца своих дней, лично знал Бунина. В публикации он вспоминал о своем и Бунина участии в писательском вечере, организованном в редакции издательства «Шиповник». На этом вечере Бунин и Федоров противопоставили себя модернистской эстетике, мистифицируя поэзию несуществующего «первоклассного автора» символистского толка [Там же: 12]. Федоров рисует образ поэта Бунина, принадлежащего классической традиции и относящегося иронически к модернизму. С именем Федорова в дальнейшем связан мемуарный пласт о Бунине, присутствующий в русских эмигрантских изданиях в Болгарии.

Творчеству Бунина посвятил многие тексты и проф. П. М. Бицилли (1879–1953), который встречался с писателем еще в Одессе, а в эмиграции переписывался с ним из Софии с 1931 г.¹ В День русской культуры, который в Болгарии в 1931 г. отмечался 14 июня, **П. Бицилли** выступил с публичной лекцией на тему «Бунин и его место в русской литературе» [Петкова 2020: 419]. Русскоязычный вариант лекции под тем же названием опубликован в газете «Россия и славянство» (№ 135 от 27 июня 1931, с. 3–4). В Болгарии болгароязычный вариант текста озаглавлен «**Место Бунина в истории русского словесного искусства**» и напечатан в научно-популярном журнале, занимающемся проблемами языка и языковой культуры «**Родная речь**» [Бицилли 1931/32]. Из сноски к публикации видно, что редакция обратилась с просьбой к «уважаемому проф. П. Бицилли предоставить для публикации выбранные места из его речи, так как в ней затрагиваются важные языковые вопросы общего характера» [Бицилли 1931/32: 110]. Мотивация публикации со стороны редакции не связана, собственно, с вниманием к творчеству Бунина, а продиктована интересом к более общим пробле-

¹ Подробнее см. вступительную статью Т. Двинятиной к публикации корреспонденции Бунина и Бицилли [Двинятина 2010]. В ней исследовательница упоминает и об «единственной встрече Бунина и Бицилли», состоявшейся в 1919 г. [Там же: 110].

мам поэтического языка модернизма¹.

Трудно сказать, был ли написан этот материал на болгарском языке самим Бицилли, хотя лексические и стилистические особенности дают основания не исключать и подобный вариант. Сравнение обоих текстов показывает, что болгароязычная версия не является дословным повторением русской статьи. Акцент в болгарской статье ставится на русском символизме, «чарам» которого поддались все талантливые писатели, за исключением Бунина. Бунин продолжил линию развития, которая – через Чехова и Толстого – возводит его к Гоголю и Пушкину. Подобно своим предшественникам он «остался реалистом в настоящем смысле слова» и следует «реалистическому методу, который является прямой противоположностью методу символистов» [Бицилли 1931/32: 111]. Относительно, прозрачному, т. е. отдаленному от жизни, искусству символистов Бунин противопоставляет свое словесное искусство, вся тайна которого заключается в ясности, точности, реалистичности, основанных на исчерпывающем знании того, о чем он пишет. Бунин помогает нам видеть то, что он видит, услышать то, что он слышит, обращается ко всем нашим органам восприятия «сетивного мира» [Там же:

¹ Далее в сноске отмечается: «Сказанное о языке русских символистов можно приложить полностью и к языку болгарских символистов» [Бицилли 1931/32: 110].

Литература

- Б[ез] п[одпис]. И. А. Бунин / Б. п. // Съвременна мисъл. Месечно списание. – 1911а. – № 2. – С. 137.
 Б[ез] п[одпис]. И. Бунин / Б. п. // Съвременна мисъл. Месечно списание. – 1911б. – № 10. – С. 786.
 Б[ез] п[одпис]. Злобата на безсилието / Б. п. // Наковалня. Седмично литературно-научно списание. – 1926. – № 49. – С. 8.
 Б[ез] п[одпис]. Едно посещение на Бунин при Л. Толстой / Б. п. // Свободна реч. Всекидневен утринен вестник. – 1927. – № 923. – С. 3.
 Б[абев], Д. Г. Ив. Бунин / Д. Г. Бабев // Листопад. Седмично литературно-художествено списание. – 1929. – № 5-6. – С. 152.
 Бакалов, Г. И. [Уводна бележка] / Г. И. Бакалов // В. Шулятиков, А. Луначарски. Съвременните руски писатели. Превел Г. Бакалов. – Горна Оряховица : Издава книжарницата на Д. Иванов, 1905. – С. 3.
 Бицилли, П. М. Мястото на Бунина в историята на руското словесно изкуство / П. М. Бицилли // Родна реч. Списание за ревнителите на българското слово. – 1931/32. – № 3. – С. 110–112.
 Бицилли, П. М. «Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них / П. М. Бицилли ; публикация и примечания М. А. Бирмана и М. Шрубы ; вступительная статья М. А. Бирмана // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под редакцией Олега Корестелева и Манфреда Шрубы. Т. 2. – Москва : НЛО, 2012. – С. 501–686.
 Бобчев, Н. С. Нобелевският лауреат Ив. Бунин и българите / Н. Бобчев // Славянски глас. Орган на Славянското благотворително дружество в София. – 1933. – № 3-4. – С. 151–155.

112]. Но это является словесным колдовством особого рода, так как на самом деле читатель воспринимает только слова. Таким образом, своим творчеством Бунин «раскрывает безграничную мощь слова, слова, как средства общения одного сознания (сознания художника) с другим сознанием» [Там же]. В заключении статьи Бицилли отмечает, что Бунин – «мастер словесного живописания», который изображает материальный мир с помощью слова подобно своим учителям Гоголю и Тургеневу» [Там же].

Акцент на языковом мастерстве Бунина, особенно на стыке 1920–1930-х гг., когда русский язык стал для Бицилли, по его же выражению, «второй специальностью» [Бицилли 2012: 556], и компаративистский подход, характерный для литературоведческих работ профессора, сохраняются и в его следующих работах о Бунине. Своеобразный *бунинский текст* Бицилли с самого начала отмечен билингвизмом, ученый считался с культурным горизонтом читателя, и никогда его болгароязычные статьи не являются буквальными переводами с русского.

В этом втором хронологическом отрезке насчитываются 17 отдельных публикаций, свидетельствующих об углублении восприятия Бунина и о стремлении критиков создавать творческие портреты писателя, делая акцент на поэтике его произведений.

Конец первой части

“THERE IS SOMETHING IMMUTABLE ... FREEDOM OF THOUGHT AND CONSCIENCE”:
TO THE 90TH ANNIVERSARY OF I. BUNIN'S NOBEL PRIZE

- Бояджиев, Д. И. [Бележка] / Д. И. Бояджиев // Летописи. Двуседмичен преглед за политика, литература и наука. – 1902. – № 10. – С. 229.
- [Бояджиев], Д. И. Иван Бунин. Бележка / Д. И. Бояджиев // Летописи. Двуседмичен преглед за политика, литература и наука. – 1903. – № 5. – С. 105–106.
- Бунин, И. А. Письмо к Боссару / И. А. Бунин // И. А. Бунин: pro et contra: личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. – С. 30–31.
- Бурдийо, П. Полета на духа / П. Бурдийо // Полета. Том I. Съставителство и превод от френски Недка Капралова. – София : Изток-Запад, 2012.
- Васева, И. Иван Алексеевич Бунин / И. Васева // Преводна рецепция на европейските литератури в България. Том 2. Руска литература. – София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2001. – С. 208–213.
- Вълчанов, Л. Н. Любовта на Митя (рецензия) / Л. Н. Вълчанов // Знаме. Орган на Демократическата партия. – 1927. – № 63. – С. 3.
- Геннеп, А. ван. Обряды перехода: Системат. изучение обрядов / А. ван Геннеп. – М. : «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
- Гошев, И. Богинята на свободата / И. Гошев // Църковен вестник. Седмично издание. – 1927. – № 14. – С. 140–141.
- Двнятина, Т. М. Иван Алексеевич Бунин. Литература о жизни и творчестве. Материалы к библиографии (1892–1999) / Т. М. Двнятина, А. Я. Лapidус // И. А. Бунин: pro et contra: личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. – С. 847–1011.
- Двнятина, Т. М. Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли (1931–1951). Вступительная статья / Т. М. Двнятина // И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. 2 / сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. – М. : Русский путь, 2010. – С. 109–118.
- Каназирска, М. И. Приложение II. Русские профессора в Софийском университете. Акад. И. А. Бунин / М. Каназирска // После России. К проблеме культуры российской эмиграции в Болгарии (1920–1940). – Велико Търново : Издательство «Ивис», 2013. – С. 460–475.
- Кремен, М. Иван Бунин / М. Кремен // Зора. Излиза всяка седмица. – 1920. – № 243. – С. 3.
- Левитский, В. М. Живая сила (Ив. Бунин. «Крик» и др. рассказы. «Слово». Берлин, 1921 г.) / В. М. Левитский // Зарницы. Еженедельный политическо-общественный журнал. – 1921. – № 24. – С. 29–31.
- Моховой. Среца с Бунина (Писмо от Прага) / Моховой // Мир. Орган на Народната партия. – 1936. – № 10886. – С. 1.
- Николов, М. Иван Бунин в последните си произведения / М. Николов // Демократически преглед. – 1926. – № 8. – С. 542–552.
- Николов, М. Иван Бунин в последните си произведения / М. Николов // Литературни характеристики и паралели: М. Ю. Лермонтов; Лермонтов у нас; Пан Тадеуш и Кървава песен; Ф. Сологуб; Ив. Бунин; Н. Гумилев. – София : Хемус, 1928. – С. 102–113.
- Пенев, Б. Н. Нова руска антология / Б. Н. Пенев // Златорог. Месечно списание. – 1921. – № 1-2. – С. 95–100.
- Пенев, Б. Н. За литературния плут: [Студия] / Б. Н. Пенев // Златорог. Месечно списание. – 1922. – № 2. – С. 103–149.
- Пенев, Б. Н. «Митина любов» от Ив. Бунин. Париж, 1925 / Б. Н. Пенев // Златорог. Месечно списание. – 1926. – № 1. – С. 58.
- Пенев, Б. Н. Стенографски доклад, който препоръчва пред Академическия съвет Иван Бунин да чете лекции по руска литература. Публикация Д. Вълчанова / Б. Н. Пенев // Език и литература. – 1972. – № 3. – С. 61–64.
- Петкова, Г. «Да се даде ръководеща нишка ...»: История на руската литература от проф. П. Бицилли в три книги (България, 1931–1934 г.) / Г. Петкова. – София : Факел, 2017. – 656 с.
- Петкова, Г. Т. Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии (1919–1940) / Г. Т. Петкова // И. Юхновски, Н. Казански, Г. Петкова. Нова книга за руската емиграция в България. – София : Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2020. – С. 338–443.
- Радев, И. Н. Иван Алексеевич Бунин и българската литература / И. Н. Радев // Българско-руски срещи в литературата на XIX–XX век. – София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2014. – С. 199–230.
- Слоним, М. Л. Руската емигрантска литература / М. Л. Слоним // Народно дело: Списание за култура и политика. – 1930. – № 2-3. – С. 67–71.

Сосинский, В. Б. Франко-Славянская типография / В. Б. Сосинский. – Текст : электронный // Новая Юность. – 2000. – № 6 (45). – URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2000/6/franko-slavyanskaya-tipografiya.html (дата обращения: 31.05.2023).

Федоров, А. М. Настроения / А. М. Федоров // Балканский журнал. Руско-българско литературно-художествено илюстрирано списание. – 1923. – № 8. – С. 10–12.

Чилингиров, С. Х. Славянска антология / С. Х. Чилингиров. – София : Без изд., 1910. – 175 с.

Чилингиров, С. Х. Иван Алексеевич Бунин в София / С. Х. Чилингиров // Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси. – 1933. – № 210. – С. 4.

Шишманов, Д. И. Разказът на един голям майстор / Д. И. Шишманов // Слово. Всекидневник за политика, стопанство и културен живот. – 1926. – № 1351. – С. 1.

Шулятиков, В. М. Възстановяване на разрушената естетика / В. М. Шулятиков // В. Шулятиков, А. Луначарски. Съвременните руски писатели. Превел Г. Бакалов. – Горна Оряховица : Издава книжарницата на Д. Иванов, 1905. – С. 113–124.

Шулятиков, В. М. Восстановление разрушенной эстетики / В. М. Шулятиков. – Текст : электронный // В. М. Шулятиков. Собрание сочинений. – 2009. – URL: http://az.lib.ru/s/shuljaticow_w_m/text_0550.shtml (дата обращения: 19.07.2023).

Юруков, Г. Д. Бележка към «Писмо от автора до издателя» / Г. Д. Юруков // Бунин И. Любовта на Митя. Превод от руски Георги Д. Юруков. – София : Мозайка от знаменити съвременни романи, 1927. – С. 3.

Яблоновский, А. А. Нобелевская премия / А. А. Яблоновский // Русь. Информационная и политическая газета русских эмигрантов. – 1923. – № 129. – С. 2–3.

Архивы

Научен архив на Българска академия на науките.

References

B[ez] p[odpis]. (1926). Zlobata na bezsilieto [The Spite of Powerlessness]. In *Nakovalnya. Sedmichno literaturno-nauchno spisanie*. No. 49, p. 8.

B[ez] p[odpis]. (1911a). I. A. Bunin [I. A. Bunin]. In *Savremenna misal. Mesechno spisanie*. No. 2, p. 137.

B[ez] p[odpis]. (1911b). I. Bunin [I. A. Bunin]. In *Savremenna misal. Mesechno spisanie*. No. 10, p. 786.

B[ez] p[odpis]. (1927). Edno poseshchenie na Bunin pri L. Tolstoj [A Visit of Bunin to L. Tolstoy]. In *Svobodna rech. Vsekidneven utrinen vestnik*. No. 923, p. 3.

B[abev], D. G. (1929). Iv. Bunin [Ivan Bunin]. In *Listopad. Sedmichno literaturno-hudozhestveno spisanie*. No. 5-6, p. 152.

Bakalov, G. I. (1905). [Uvodna belezhka] [Introductory Note]. In Shulyatkov, V., Lunacharski, A. *Savremennite ruski pisатели*. Prevel G. Bakalov. Gorna Oryahovica, Izdava knizharnicata na D. Ivanov, p. 3.

Bicili, P. M. (1931/32). Myastoto na Bunina v istoriyata na ruskoto slovesno izkustvo [The Place of Bunin in the History of Russian Verbal Art]. In *Rodna rech. Spisanie za revniteli na balgarskoto slovo*. No. 3, pp. 110–112.

Bicilli, P. M. (2012). «Sovremennye zapiski» vse blizhe i blizhe podkhodyat k tomu, chego ya lichno khotel ot nikh [“Contemporary Notes” is Getting Closer and Closer to What I Personally Wanted Them to be]. In Korestev, O., Shrub, M. (Eds.). *“Sovremennye zapiski” (Parizh, 1920–1940). Iz arhiva redaktsii*. Vol. 2. Moscow, NLO, pp. 501–686.

Bobchev, N. S. (1933). Nobelevskiyat laureat Iv. Bunin i balgarite [The Nobel Laureate Ivan Bunin and the Bulgarians]. In *Slavyanski glas. Organ na Slavyanskoto blagotvoritelno druzhestvo v Sofiya*. No. 3-4, pp. 151–155.

Boyadzhiev, D. I. (1902). [Belezhka] [Note]. In *Letopisi. Dvusedmichen pregled za politika, literatura i nauka*. No. 10, p. 229.

B[oyadzhiev], D. I. (1903). Ivan Bunin. Belezhka [Ivan Bunin. Note]. In *Letopisi. Dvusedmichen pregled za politika, literatura i nauka*. No. 5, pp. 105–106.

Bunin, I. A. (2001). Pis'mo k Bossaru [Letter to Bossard]. In *I. A. Bunin: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologiya*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 30–31.

Burdijo, P. (2012). Poleta na duha [Fields of spirit]. In *Poleta. Tom I. Sastavitelstvo i prevod ot frenski Nedka Kapralova*. Sofiya, Iztok-Zapad.

Chilingirov, S. H. (1910). *Slavyanska antologiya* [Slavic Anthology]. Sofiya. 175 p.

Chilingirov, S. H. (1933). Ivan Alekseevich Bunin v Sofiya [Ivan Alekseevich Bunin in Sofia]. In *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshchestveni vaprosi*. No. 210, p. 4.

Dvinyatina, T. M., Lapidus, A. Ya. (2001). Ivan Alekseevich Bunin. Literatura o zhizni i tvorchestve. Materialy k bibliografii (1892–1999) [Literature about His Life and Work. Materials for Bibliography (1892–1999)]. In *I. A. Bunin: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologiya*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 847–1011.

- Dvinyatina, T. M. (2010). Peregipska I. A. Bunina i P. M. Bitsilli (1931–1951). Vstupitel'naya stat'ya [Correspondence between I. A. Bunin and P. M. Biciilli (1931–1951). Introductory Article]. In Korostelev, O., Devi, R. (Eds.). *I. A. Bunin. Noyve materialy*. Issue 2. Moscow, Russkii put', pp. 109–118.
- Fedorov, A. M. (1923). Nastroeniya [Sentiments]. In *Balkanskii zhurnal. Rusko-balgarsko literaturno-khudozhestveno ilyustrovano spisanie*. No. 8, pp. 10–12.
- Gennep, A. van. (1999). *Obyady perekhoda: Sistem. izuchenie obryadov* [The Rites of Passage]. Moscow, «Vostochnaya literatura» RAN. 198 p.
- Goshev, I. (1927). Boginyata na svobodata [The Goddess of Freedom]. In *Carkoven vestnik. Sedmichno izdanie*. No. 14, pp. 140–141.
- Kanazirska, M. I. (2013). Prilozhenie II. Russkie professora v Sofiiskom universitete. Akad. I. A. Bunin [Appendix II. Russian Professors at the University of Sofia. Acad. I. A. Bunin]. In *Posle Rossii. K probleme kul'tury rossiiskoi emigratsii v Bolgarii (1920–1940)*. Veliko Tyrnovo, Izdatel'stvo «Ivis», pp. 460–475.
- Kremen, M. (1920). Ivan Bunin [Ivan Bunin]. In *Zora. Izliza vsyaka sedmica*. No. 243, p. 3.
- Levitsky, V. M. (1921). Zhivaya sila (Iv. Bunin. «Krik» i dr. rasskazy. «Slovo». Berlin, 1921 g.) [Living Force (Iv. Bunin. “The Scream” and Other Stories. “Slovo”. Berlin, 1921)]. In *Zarnitsy. Ezhenedel'nyi politicheskobshchestvennyi zhurnal*. No. 24, pp. 29–31.
- Mohovoy. (1936). Sreshtha s Bunina (Pismo ot Praga) [Meeting with Bunin (Letter from Prague)]. In *Mir. Organ na Narodnata partiya*. No. 10886, p. 1.
- Nikolov, M. (1926). Ivan Bunin v poslednite si proizvedeniya [Ivan Bunin in His Last Works]. In *Demokraticheski pregled*. No. 8, pp. 542–552.
- Nikolov, M. (1928). Ivan Bunin v poslednite si proizvedeniya [Ivan Bunin in His Last Works]. In *Literaturni harakteristiki i paraleli: M. Yu. Lermontov; Lermontov u nas; Pan Tadeush i K"rvava pesen; F. Sologub; Iv. Bunin; N. Gumilev. Sofiya, Hemus*, pp. 102–113.
- Penev, B. N. (1921). Nova ruska antologiya [New Russian Anthology]. In *Zlatorog. Mesechno spisanie*. No. 1-2, pp. 95–100.
- Penev, B. N. (1922). Za literaturniya plut [About the Literary Knave]. In *Zlatorog. Mesechno spisanie*. No. 2, pp. 103–149.
- Penev, B. N. (1926). «Mitina lyubov'» ot Iv. Bunin. Parizh, 1925 [“Mitina's Love” by Yves Bunin. Paris, 1925]. In *Zlatorog. Mesechno spisanie*. No. 1, p. 58.
- Penev, B. N. (1972). Stenografski doklad, kojto preporachva pred Akademicheskiiya savet Ivan Bunin da chete lekci po ruska literatura. [A Shorthand Report from 1920, Which Recommended to the Academic Council Ivan Bunin to Give Lectures on Russian Literature]. In *Ezik i literatura*. No. 3, pp. 61–64.
- Petkova, G. (2017). «Da se dade rakovodeshcha nishka ...»: Istoriya na ruskata literatura ot prof. P. Bicili v tri knigi (Balgariya, 1931–1934 g.) [“To Provide a Guiding Thread...”: History of Russian Literature in Three Books by Professor P. Biciilli (Bulgaria, 1931–1934)]. Sofiya, Fakel. 656 p.
- Petkova, G. T. (2020). Khronika kul'turnoi i literaturnoi zhizni ruskoj emigratsii v Bolgarii (1919–1940) [Chronicle of Cultural and Literary Life of Russian Emigration in Bulgaria (1919–1940)]. In Yuhnovski, I., Kazanski, N., Petkova, G. *Nova kniga za ruskata emigraciya v Balgariya*. Sofiya, Izdatelstvo na BAN «Prof. Marin Drinov», 2020, pp. 338–443.
- Radev, I. N. (2014). Ivan Alekseevich Bunin i balgarskata literatura [Ivan Alekseevich Bunin and Bulgarian literature]. In *Balgarsko-ruski sreshhi v literaturata na XIX–XX vek*. Sofiya, Akademichno izdatelstvo 2Prof. Marin Drinov», pp. 199–230.
- Shishmanov, D. I. (1926). Razkazat na edin golyam majstor [The Story of a Great Master]. In *Slovo. Vsekidnevnik za politika, stopanstvo i kulturen zhivot*. No. 1351, p. 1.
- Shulyatikov, V. M. (1905). Vastanovyavane na razrushenata estetika [Restoration of Destroyed Aesthetics]. In Shulyatikov, V., Lunacharski, A. *Savremennite ruski pisateli*. Prevel G. Bakalov. Gorna Oryahovica, Izdava knizharnicata na D. Ivanov, pp. 113–124.
- Shulyatikov, V. M. (2009). Vosstanovlenie razrushennoj estetiki [Restoration of Destroyed Aesthetics]. In Shulyatikov, V. M. *Sobranie sochinenii*. URL: http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_o550.shtml (mode of access: 19.07.2023).
- Slonim, M. L. (1930). Ruskata emigrantska literatura [Russian émigré literature]. In *Narodno delo: Spisanie za kultura i politika*. No. 2–3, pp. 67–71.
- Sosinsky, V. B. (2020). Franko-Slavyanskaya tipografiya [Franco-Slavic Printing House] In *Novaya Yunost'*. No. 6 (45). URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2000/6/franko-slavyanskaya-tipografiya.html (mode of access: 31.05.2023).
- Vaseva, I. (2001). Ivan Alekseevich Bunin [Ivan Alekseyevich Bunin]. In *Prevodna recepciya na evropejskite literaturi v Balgariya. Tom 2. Ruska literatura*. Sofiya, Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 2001, pp. 208–213.

Valchanov, L. N. (1927). *Lyubovta na Mitya* (recenziya) [Love of Mitya (review)]. In *Zname. Organ na Demokraticeskata partiya*. No. 63, p. 3.

Yablonovsky, A. A. (1923). Nobelevskaya premiya [Nobel Prize]. In *Rus'. Informatsionnaya i politicheskaya gazeta russkikh emigrantov*. No. 129, pp. 2–3.

Yurukov, G. D. (1927). Belezhka kam «Pismo ot avtora do izdatelya» [Note to “Letter from the Author to the Publisher”]. In Bunin, I. *Lyubovta na Mitya*. Prevod ot ruski Georgi D. Yurukov. Sofiya, Mozaika ot znameniti s'vremenni romani, p. 3.

Данные об авторе

Петкова Галина – доктор филологии, доцент кафедры русской литературы Факультета славянских филологий, Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария).

Адрес: 1504, Болгария, г. София, бул. «Цар Освободител» № 15.

E-mail: petkova@slav.uni-sofia.bg.

Author's information

Petkova Galina – Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian Literature, Faculty of Slavic Studies, Sofia University “St. Kliment Ohridski” (Sofia, Bulgaria).

Дата поступления: 31.08.2023; дата публикации: 31.10.2023

Date of receipt: 31.08.2023; date of publication: 31.10.2023